

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.7>

Пасевич Заряна Васильевна

[М. Ю. Лермонтов в критике и публицистике русской эмиграции Китая](#)

Статья посвящена комплексному исследованию литературной критики и публицистики восточной ветви русской эмиграции первой волны о личности и творчестве М. Ю. Лермонтова. Цель исследования состоит в выявлении характерных черт публикаций о Лермонтове в периодике русского Китая. Научная новизна работы заключается в описании вклада восточной ветви русской эмиграции в осмысление особенностей личности, судьбы и творчества Лермонтова. В результате исследования установлено, что в критических статьях дальневосточных эмигрантов выражены представления о Лермонтове, отражающие создание идеологизированного мифа о нем путем выделения черт личности и проблематики творчества, соответствующих чаяниям русской эмиграции. В качестве характерных черт восприятия Лермонтова выделены: определение его места в русской культуре путем сопоставления с Пушкиным; реконструкция духовной жизни Лермонтова с опорой на его поэтические произведения; утверждение Лермонтова в статусе национального поэта на основе близости русской душе, религиозности и патриотизма его художественных творений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/7.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 38-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Сид И. История понятия «геопоэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 11 (722). С. 153-170.
15. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
16. Цымбурский В. М. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX вв. М.: Книжный мир, 2016. 496 с.
17. Ширинянц А. А., Фурсова Е. Б. Прибалтийский вопрос в политической публицистике И. С. Аксакова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/35446.php> (дата обращения: 03.08.2020).
18. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292-302.
19. Flint C. Introduction to geopolitics. L.: Routledge, 2012. 296 p.

F. M. Dostoevsky's Views on the Baltic German Problem

Mikhnovets Mariia Vladimirovna
Dostoevsky Museum (St. Petersburg)
mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

The research objective includes identifying specificity of F. M. Dostoevsky's understanding of the Baltic German problem in the 1860-1870s. The paper shows how the Baltic German problematic is represented in female personages' images, analyses Dostoevsky's social-political views on the issue of the Baltic Germans' religious freedom. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time reveals Dostoevsky's views on the controversial issue of the social and legal status of the Baltic ethnic groups (the Germans, the Latvians, the Russians). The following conclusions are justified: firstly, Dostoevsky's views on the Baltic German problem were in tune with his previous conceptions of Russia's remote areas status, and, secondly, these views developed within the framework of his historical and philosophical conception of Russia – Europe relations.

Key words and phrases: F. M. Dostoevsky; Baltic German problematic; geopolitics; worldview; remote areas status.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.7>

Дата поступления рукописи: 18.09.2020

Статья посвящена комплексному исследованию литературной критики и публицистики восточной ветви русской эмиграции первой волны о личности и творчестве М. Ю. Лермонтова. Цель исследования состоит в выявлении характерных черт публикаций о Лермонтове в периодике русского Китая. Научная новизна работы заключается в описании вклада восточной ветви русской эмиграции в осмысление особенностей личности, судьбы и творчества Лермонтова. В результате исследования установлено, что в критических статьях дальневосточных эмигрантов выражены представления о Лермонтове, отражающие создание идеологизированного мифа о нем путем выделения черт личности и проблематики творчества, соответствующих чаяниям русской эмиграции. В качестве характерных черт восприятия Лермонтова выделены: определение его места в русской культуре путем сопоставления с Пушкиным; реконструкция духовной жизни Лермонтова с опорой на его поэтические произведения; утверждение Лермонтова в статусе национального поэта на основе близости русской душе, религиозности и патриотизма его художественных творений.

Ключевые слова и фразы: литературная критика русского зарубежья; рецепция творчества Лермонтова; русский Китай; восточная ветвь русского зарубежья.

Пасевич Заряна Васильевна, к. филол. н.
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
pasevichzara@mail.ru

М. Ю. Лермонтов в критике и публицистике русской эмиграции Китая

В русском зарубежье особое значение обрела русская классическая литература. Она выступала духовной опорой и основой сохранения русскости для эмигрантов на чужбине: «...русская литература для нас, потерявших родину, – родина последняя, все, чем Россия была и чем она будет» [33], – писал Д. С. Мережковский. Известно, что идейным знаменем русского зарубежья, воплощением русской национальной идеи стал А. С. Пушкин [43]. Соперником Пушкина в сознании эмигрантов выступал только М. Ю. Лермонтов. Дальневосточный поэт-эмигрант Н. Щеголев объяснял это так: «...мы хотим излечиться от нашего тайного пристрастия к Лермонтову, ставим памятник ежегодно Пушкину, хотя, в сущности, лишь Лермонтов – властитель наших дум» [55, с. 5]. Нельзя сказать, что проблема рецепции личности и творчества Лермонтова в литературной критике русского зарубежья совсем не изучена. Она достаточно давно находится в сфере внимания исследователей. В научных работах представлен обзор эмигрантских публикаций о Лермонтове [14; 41], рассматриваются особенности восприятия личности и творчества Лермонтова в критике западных эмигрантов [10; 25; 40]. Предметом исследования становятся авторские концепции рецепции личности и творчества

Лермонтова видными представителями русского зарубежья [16; 26; 36]. За пределами исследовательского внимания остались работы о Лермонтове, опубликованные в русском Китае. Но, как показала работа с фондами Государственного архива Хабаровского края, на страницах периодических изданий русского Харбина публиковались разные статьи, эссе и заметки о Лермонтове, отражающие попытки осмысления жизни и творчества великого поэта, а также информация о проведении мероприятий, приуроченных к памятным лермонтовским датам. Таким образом, *актуальность* исследования определяется необходимостью описания вклада восточной ветви русской эмиграции в осмысление жизни и творчества Лермонтова.

Статья направлена на решение следующих *задач*: 1) восстановить хронику «лермонтовских дней» в русском Харбине; 2) дать обзор статей о Лермонтове, опубликованных в русском Китае; 3) выявить характерные черты в интерпретации личности и творчества Лермонтова в публикациях периодических изданий русского Китая. Работа базируется на комплексной трактовке литературной критики как феномена, имеющего художественно-эстетическое и социокультурное значение. В работе использованы социокультурный, описательный и герменевтический *методы исследования*.

Теоретическую базу исследования составили работы историко-литературного характера, рассматривающие критические концепции литературы русского зарубежья: О. Н. Михайлова, А. Н. Николоюкина, О. А. Коростелева, Т. Г. Петровой, В. А. Захарова, Н. В. Летаевой и др.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее основные положения в учебном процессе: при чтении общих и специальных курсов по истории русской критики, в работе специальных семинаров, а также в процессе углубленного изучения культуры русской эмиграции XX в.

1939 и 1941 годы в дальневосточной эмиграции были названы «лермонтовскими» и отмечены рядом общественно-культурных мероприятий в честь поэта, не вписанных до настоящего времени в хронику литературной жизни русского Харбина.

В 1939 году к 125-летию со дня рождения Лермонтова в Харбине было приурочено общеэмигрантское празднование Дня русской культуры. На утреннике для учащихся, организованном в Железнодорожном собрании 21 июня, с докладом о Лермонтове выступил педагог Правительственной гимназии Харбина, член Русского учительского общества и Беженского комитета *Евгений Игнатьевич Квятковский* (1891-?) [6, д. 19872, л. 1]. В концертной программе, подготовленной учащимися Харбинских музыкальных курсов по классу сольного пения Г. Г. Барановой-Поповой и учащимися Музыкальной студии М. В. Осиповой-Закржевской, исполнялись «Сосна», «Ночевала тучка», «Грустно», «Выхожу один я на дорогу»; декламировались стихотворения «Умиравший гладиатор», «Два великана» и «Спор»; была показана сцена в келье из оперы Рубинштейна «Демон» при участии Н. И. Зыряновой и Н. А. Федорова [9].

В этот же день в Железнодорожном собрании открылась лермонтовская выставка, подготовленная *Павлом Ивановичем Савостьяновым* (1889-?) [43, с. 386]. Это была вторая выставка общественного деятеля. Первая состоялась в 1937 г. и была приурочена к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина [38, с. 90]. Выставка состояла из иллюстраций, фотографий и портретов Лермонтова, расположенных на четырнадцати стендах, снабженных комментариями, подобранными из текстов лермонтовских произведений и отзывов о поэте его современников [44].

На вечернем заседании с докладом на тему «Душа Лермонтова» выступил заведующий библиотекой Харбинского политехнического института *Платон Аркадьевич Казаков* (1896-1966) [53, с. 143]. Докладчик избрал оригинальную форму – каждое положение его доклада, рисующего духовную жизнь поэта, иллюстрировалось декламацией стихотворений, выражающих переживания поэта. Такой подход (реконструкция духовной биографии через образы и мотивы произведений поэта) нашел широкое распространение в статьях о Лермонтове, опубликованных в харбинской периодике.

В концертной программе вечера хор под руководством дирижера П. И. Шарапина исполнил произведения на слова М. Ю. Лермонтова. С декламацией выступали артисты драматической студии *Василия Ивановича Томского* (1893-1962): В. В. Панова, М. И. Кокорева, Е. К. Марулина и П. А. Дьяков. Была показана сцена из «Маскарада» М. Ю. Лермонтова при участии ведущих артистов студии В. И. Томского и М. И. Кокоревой [44].

12 октября состоялось торжественное заседание памяти Лермонтова в *Союзе казаков Восточной Азии*. С докладом «Великий гений России» выступила казачья поэтесса А. И. Соколова. Отталкиваясь от поэтических строк Лермонтова («Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник – как он, гонимый миром странник, но только с русскою душой»), Соколова основное внимание уделила проявлению «русскости» в поэте. Во время выступления Соколова прочитала собственное стихотворение «Лермонтов». Впоследствии оно вошло в сборник стихов поэтессы «Горные взлеты» (Харбин, 1941) [23]. Можно отметить также, что на лермонтовские дни в русском Китае откликнулись стихами признанные поэты старшего поколения А. Ачаир «Лермонтов в Пятигорске» и А. И. Несмелов «Без роз» и младшего: Н. Щеголев «Лермонтов», Л. В. Барташев (под псевдонимом Б.-Л.) «Лермонтов».

Еще один лермонтовский вечер прошел 15 октября в *Литературно-художественном кружке при Монархическом объединении* (в дальнейшем переименованном в «Литературно-художественный кружок им. августейшего поэта К. Р.» [18, с. 121]). С докладом «Поэт-пророк» выступил член кружка – поэт Г. Г. Сатовский-Ржевский младший. Воскрешая в памяти слушателей «духовный облик» Лермонтова, докладчик подчеркнул трансцендентальную сущность поэзии Лермонтова и пророческие мотивы в его творчестве. В начавшейся после доклада музыкально-вокальной программе, состоявшей из романсов, арий и дуэтов на слова Лермонтова, чтения его стихов, выступили А. В. Вольнский, С. А. Недолин, Б. А. Абаза, К. М. Щекин [7].

25 октября на «женской среде» *Кружка при Коммерческом собрании* в связи с годовщиной Лермонтова известная в Харбине артистка, выпускница Драматической школы Московской консерватории *Сабина Михайловна Верлен* (1894-1980) поставила драматические отрывки из трагедии «Испанцы» [34]. А 19 ноября состоялось торжественное открытие «Лермонтовской выставки» Христианского союза молодых людей. После открытия выставки поэтом и наставником литературного объединения «Чураевка» А. А. Ачаиром был прочитан доклад «Потерянный поэт» [50].

25 ноября *Обществом изучения старого русского искусства* был устроен концерт, посвященный 125-й годовщине со дня рождения М. Ю. Лермонтова, где исполнялись романсы на стихи Лермонтова и была поставлена поэма «Демон» [24].

В 1941 году, также связанном с памятной годовщиной Лермонтова, День русской культуры не проводился. На родине, к которой были обращены все помыслы эмигрантов, началась Великая Отечественная война. Хотя общеэмигрантский праздник не состоялся, данью памяти Лермонтова стало несколько вечеров. Их организовали Кружок при Коммерческом собрании [11], Христианский союз молодых людей [8] и даже Союз служащих торгово-промышленных предприятий [47]. В театре «Модерн» 7 марта труппа драматического искусства В. И. Томского поставила пьесу «Маскарад» [37].

Памятные лермонтовские даты были отмечены не только проведением вечеров и собраний в честь поэта, но также и публикациями в харбинской прессе. Поэту посвятили специальные выпуски номеров литературно-художественный журнал «Рубеж» и журнал «Луч Азии»; отдельные статьи были опубликованы в сборнике «День русской культуры», в ежедневной газете «Заря», альманахе «Русский настольный календарь».

Среди публикаций о Лермонтове наиболее общий характер носили биографические очерки, опубликованные в «Русском настольном календаре» за 1939 и 1941 годы. Они имели просветительскую функцию: напомнить основные этапы жизненного и творческого пути Лермонтова. В статье «М. Ю. Лермонтов (1814-1841). К 125-летию со дня рождения» кратко изложены основные вехи жизни Лермонтова. Даны сведения о происхождении рода Лермонтовых, о семье поэта (матери, отце, бабушке), его воспитании и образовании, начале литературной славы, аресте, ссылке на Кавказ; о дуэли с Мартыновым и захоронении тела поэта [30, с. 10]. Периоду учебы Лермонтова в Московском университете была посвящена статья *П. И. Савостьянова*. Предметом внимания автора стало восприятие поэта его современниками. Савостьянов привлекает документальные источники: воспоминания П. Ф. Вистенгофа, И. А. Гончарова, А. П. Шан-Гирея [45].

Заметки *А. Ребринского* (псевдоним писателя Сабурова Константина Савельевича) [52, с. 80] в рубрике «Литературный ларец» журнала «Рубеж» были посвящены архивным разысканиям лермонтоведов в Советской России, прототипам героев Лермонтова, взаимоотношениям Лермонтова и Белинского. Наибольший интерес представляют суждения А. Ребринского о реальных лицах, послуживших Лермонтову материалом для художественного воссоздания образов. Наряду с прототипами ранних произведений поэта, которые более или менее точно определены, Ребринский высказывает предположения о прототипе Казбича из романа «Герой нашего времени»: «...реальный Казбич – популярный на Кавказе герой (точное имя его – Кзильбеч Шеретлуков)» [42, с. 10].

Живописному наследию Лермонтова были посвящены статьи *М. Томила* и *Гр. Бельского* [2; 49]. Основное внимание в них уделено сведениям о картинах Лермонтова, обнаруженных в частных коллекциях в конце 1930-х годов. Статьи были проиллюстрированы фотографиями как с известных работ Лермонтова («Кавказский вид с саклей», «Воспоминание о Кавказе», «Черкес»), так и с малоизвестных в то время («Атака гусар под Варшавой», «Перестрелка в горах Дагестана»). В статье «Картины и рисунки М. Ю. Лермонтова» Томила также была представлена характеристика творческой манеры Лермонтова-художника. Между тем суждения автора статьи можно оценить в большей степени как любительские. Показательным примером может служить оценка картины «Воспоминания о Кавказе», которую автор называет лучшим произведением Лермонтова на кавказскую тему «по тонкому наблюдению и любовно разработанному колориту» [49, с. 15]. Отношение же профессионалов к этой работе прямо противоположное. Исследователь живописного наследия Лермонтова Н. П. Пахомов, анализируя особенности этой картины, называет ее одной из худших наряду с картиной «Черкес» [39, с. 95].

Не меньший интерес, чем живописное наследие Лермонтова, вызывала тема любви. В статье «Женщины в жизни великого поэта. Кого любил и кого воспевал М. Ю. Лермонтов» *Г. Савский* (псевдоним Г. Г. Сатовского-Ржевского младшего) [52, с. 103] исследует роль женщин в формировании личности Лермонтова. Женское воспитание, первое детски-чистое чувство романтической любви, увлечения поэта и единственная «идеальная» любовь к Лопухиной – все это, по мнению автора, сказалось на его внутреннем облике: «...в душе М. Ю. Лермонтова и как раз в лучшей ее части, оставившей нам все плоды его музыки, было много женственного» [46, с. 20].

Наиболее обсуждаемой темой по-прежнему оставалась тема гибели поэта. Попытки реконструировать историю дуэли Лермонтова с Мартыновым, уяснить причины, приведшие двух людей к поединку, ход дуэли и поведение обоих ее участников и секундантов, похороны поэта были осуществлены в статьях «Последние годы на Кавказе» В. В. Горохова, «К столетию смерти М. Ю. Лермонтова» К. И. Зайцева, «Новое о дуэли Лермонтова» М. Т. (предположительно, псевдоним М. Талызина), «Поэт-изгнанник» С. Курбатова. Здесь можно также отметить, что на характер восприятия событий последних дней жизни поэта дальневосточными эмигрантами влияли в том числе западные, сотрудничавшие с газетами и журналами русского Китая. В харбинской периодике были опубликованы статьи «Записки убийцы Лермонтова» писателя М. А. Осоргина [36],

«Убийца Лермонтова» постоянного сотрудника парижской газеты «Возрождение» *А. А. Яблоновского*. Последний по поводу постоянного возвращения к теме смерти Лермонтова писал: «...эта смерть, да еще смерть Пушкина, и сейчас через столько лет, отзывается в сердце свежей, живой болью: как будто дело происходило в наше время, как будто мы были живыми свидетелями. Не может ум примириться с такой потерей. К ней нельзя “привыкнуть” и нельзя освоиться» [56]. Несмотря на то, что к моменту публикации статей о гибели Лермонтова прошло достаточное количество времени для того, чтобы восстановить ход событий последних дней жизни поэта, сведения, представленные в статьях, были очень противоречивы. Иногда в рамках одной статьи излагалось несколько версий произошедших событий. Так строится статья журналиста *Василия Васильевича Горохова* (1889 – после 1947) [6, д. 25579, л. 4] «Последние годы на Кавказе», где автор приводит две версии. Первая версия основана на воспоминаниях сына Мартынова. «Грянул громовой удар и полил сильный дождь. Прошла томительная минута, затем Мартынов подошел к барьеру быстрыми шагами, навел пистолет и выстрелил. Когда рассеялся дым, увидели Лермонтова неподвижно лежащим на земле. ...Мартынов бросился к нему попрощаться, но Лермонтов был уже мертв» [5, с. 10]. Согласно второй версии, основанной на воспоминаниях *А. М. Чарыкова*, «Лермонтов был лишь тяжело ранен и истекал кровью под дождем и бурей. Его не на чем было перевезти в город. Лишь глухой ночью его труп был доставлен в Пятигорск» [Там же, с. 11]. События последних дней жизни Лермонтова становились также предметом мистификации. Так, *С. Курбатов* в статье «Поэт-изгнанник» приводит легенду, согласно которой «оставшийся в ожидании экипажа с мертвецом секундант Глебов, промокнувший до костей, хотел спустить тело Лермонтова с колен на землю, то вдруг раздался среди громов глубокий и тяжкий стон... Это простонал мертвый поэт» [20]. Характерным при обсуждении темы гибели Лермонтова является попытка ответить на вопрос «Кто виноват?». В статье *М. Т.* [28, с. 12] Мартынов представлен как настоящий убийца, выстреливший в безоружного, а *К. И. Зайцев* осуждает Лермонтова за «нечестивый вызов судьбе» [13, с. 12].

Чем же были вызваны описанные крайности в толковании истории дуэли? С одной стороны – объективным фактом. Восстановить события столь давней поры можно было лишь с опорой на воспоминания современников поэта, а также на документы тех лет. Как известно, оставленные мемуарные свидетельства о дуэли и смерти Лермонтова были противоречивы и зачастую субъективны. С другой стороны, солидаризируясь с тем или иным автором воспоминаний, дальневосточные эмигранты искали созвучия собственным представлениям о личности поэта. Смерть Лермонтова перестает быть для них исключительно биографическим фактом. Она становится частью мифа о поэте, где значимым являются не сами факты и события, а их модификация.

Миф о Лермонтове, воссоздаваемый в работах дальневосточных эмигрантов, восходит к автобиографическому мифу, созданному самим Лермонтовым. Это проявляется в виде прямых или косвенных отсылок к нему, аллюзий и прочитываемых реминисценций. Истоком мифологизации образа Лермонтова послужила ранняя лирика, в которой поэтом был создан миф о самом себе. Следствием бытования «автобиографического мифа» стало отождествление автора и лирического героя. По мнению *Л. Гинзбург*, «в истории русской лирики несколько раз возникали условия для того, чтобы наиболее отчетливым образом сложилось человеческое лицо, “подставляемое” вместо своего литературного двойника» [4, с. 162]. К числу самых отчетливых «лиц» русской лирики, наряду с *А. Блоком* и *В. Маяковским*, она относит *М. Лермонтова*.

Между тем автобиографический миф Лермонтова не был ограничен лишь отождествлением автора и его лирического героя, в него включались персонажи разных художественных произведений поэта (например, *Мцыри*, *Демон*, *Печорин*), а также реальные личности, ставшие культурными героями (*Байрон*, *Пушкин*) [19, с. 7]. Со временем автобиографический миф трансформировался за счет подчинения общекультурным представлениям новых поколений и идеологиям новых эпох. При этом в рамках каждой эпохи личное мифотворчество отдельных авторов сочеталось с «исторической» мифологизацией, включением устойчивых ассоциаций и тем.

Образные названия статей и докладов о Лермонтове дальневосточных эмигрантов: «Поэт-пророк» (*Г. Сатовский-Ржевский* (младший)), «Поэт-изгнанник» (*С. Курбатов*), «Потерянный поэт» (*А. А. Ачаир*), «Душа русской поэзии» (*М. Л. Шапиро*), «Душа Лермонтова» (*П. А. Казаков*), «Невысказавшийся гений» (*А. Вележев*), «Великий гений России» (*А. И. Соколова*) – указывают на ключевые характеристики образа поэта, свойственные представителям русской эмиграции первой волны.

Рассмотрим концепцию Лермонтова, востребованную дальневосточными эмигрантами с точки зрения преемственности и развития образа на примере работ младшего поколения эмигрантов *М. Л. Шапиро* и старшего поколения *А. П. Вележева* и *К. И. Зайцева*.

О восприятии Лермонтова журналисткой и литератором *Марией Лазаревной Шапиро* (1900-1971) [54, с. 193] можно судить на основании двух ее статей, посвященных поэту, опубликованных под псевдонимами *Мария Ш.* и *М. Ш.* [52, с. 97]. Определяющей характеристикой для критика является несоответствие внешности и поведения Лермонтова его внутреннему миру. Образ Лермонтова выстраивается на оппозиции категорий «быть» и «казаться». Несоответствие внешнего и внутреннего позволяет Шапиро охарактеризовать Лермонтова как «человека в маске» [32, с. 6], скрывающего от глаз непосвященных свой истинный облик.

Единственным способом для воссоздания внутреннего пространства личности поэта становится мир художественных произведений. Образ Лермонтова строится автором на оппозиции известных романтических символов: «земное – небесное», «добро – зло», «ангел – демон». Здесь актуализируется характерное для мифа Лермонтова отождествление автора и его лирического героя. Показательными в этом отношении являются такие представления.

Во-первых, «Космос», вселенная определяются как духовная родина поэта. М. Шапиро называет Лермонтова «самым горным из поэтов земли», а душу поэта – «пришлицей из иных миров». При этом «укорененность» Лермонтова в мире «нездешнем» представлена не как метафора, а как факт биографии поэта [29, с. 20].

Во-вторых, отчужденность Лермонтова от «здешней жизни»: «Для Лермонтова его краткая земная жизнь была темницей, в которой, как узник его стихотворения, томилась его душа», земной мир был «лишь отражением иных миров, неведомых и прекрасных, которые помнила его душа, как помнила их воспетая им с такой неподражаемой красотой человеческая душа, ангелом принесенная на землю» [32, с. 7].

В-третьих, знание Лермонтовым своей будущей судьбы. «Таким душам, как душа Лермонтова, живущим в ином плане по сравнению с обычной земной жизнью, судьба нередко дает дар предчувствия» [Там же, с. 8].

Ключевыми произведениями для интерпретации личности Лермонтова становятся «Ангел», «Демон», «Узник». Это находит выражение, во-первых, в реминисценциях: например, переключках со строками из стихотворения «Ангел» (1831): «И долго на свете томилась она, / Желанием чудным полна; / И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» [22, с. 262]. Во-вторых, в прямой апелляции к произведениям поэта для воссоздания его внутреннего облика. Так, М. Шапиро душу Лермонтова характеризует словами Ангела из поэмы «Демон»: «...Ея душа была из тех, / Которых жизнь – одно мгновенье».

За счет привлечения художественных произведений, которые являются «точечными» отражателями лермонтовского мифа, Шапиро воссоздает романтический облик поэта, но не ограничивается традиционной интерпретацией образа, а достраивает его. В этой части работы Лермонтов представлен как русский национальный поэт. В представлении Шапиро Лермонтов как «персонаж» мифа принадлежит не только вечному миру, но и миру земному, что выразилось в его любви к родине, воплощенной в «Песне о купце Калашникове», стихотворениях «Бородино», «Два великана», «Опять народные витии», «Предсказание».

При обращении к вопросу о национальной самобытности поэта значимой предстает оппозиция «Пушкин – Лермонтов». Если Пушкин отразил в своих произведениях «национальный лик России», то о Лермонтове можно сказать, что «он сам, сама душа его – наиболее русское из русских явлений» [32, с. 6]. Главной составляющей «русскости» души воспринимается «удивительная по своей глубине и напряженности религиозность» поэта. При этом богоборчество Лермонтова трактуется как явление наносное: «...бунт его, в значительной степени навеянный Байроном, никогда не был бунтом против Бога, а был бунтом против людей, против тесноты земного мира» [Там же]. В художественном мире Лермонтова прослеживается эволюция от увлечения «романтическим байроническим Западом» до проникновения в «глубины русского национального духа» [29, с. 22]. Следует сказать, что первое признание Лермонтов как «поэт русский в душе», эволюционирующий к «исконным», «народным» началам, получил в статьях В. С. Межевича, В. Г. Белинского и А. А. Григорьева.

Представление о религиозности Лермонтова служит для Шапиро доводом против отождествления Лермонтова с Печориным. Несопоставимыми Шапиро представляются безверие, эгоизм Печорина и «голубиная религиозность», «пламенная человечность и жалостность» Лермонтова [Там же].

В соответствии с вышеприведенной интерпретацией личности Лермонтова оценивается и его художественное творчество, в котором Шапиро выделяет три магистральные линии: 1) нравственную (борьбу добра и зла за душу человека); 2) религиозную («по-детски непосредственную чистую веру»); 3) патриотическую.

В статье «Невысказанный гений» журналиста и прозаика *Анатолия Прохоровича Вележева* (1887 – после 1945) [17] основными чертами образа становятся религиозность, национальная самобытность и пророческий дар поэта. Принципом построения концепции становится сопоставление. Так, значительность творческого наследия Лермонтова определяется путем демонстрации того, что создали другие русские классики «на отрезке лермонтовской жизни» [3, с. 16]. Вележев выступает против утвердившегося в русской религиозно-философской критике противопоставления Пушкина и Лермонтова как воплощения аполлонистического и дионисического начал (Д. С. Мережковский: «Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии»; А. М. Ремизов: «Пушкин – ангел, Лермонтов – демон»). По мнению Вележева, «лермонтовский путь – это путь от Диониса к Аполлону, т.е. тот самый, который проделал и Пушкин» [Там же, с. 17]. Но только в противоположность последнему «процесс духовного перерождения Лермонтова протекал в формах, значительно более бурных, чем у Пушкина» [Там же]. Таким образом, путь Лермонтова предстает как путь от бунтарства к примиренности, гармонии и религиозности. В понимании религиозности Лермонтова Вележев солидаризируется с В. О. Ключевским, который в этюде «Грусть» (1891) писал о творчестве Лермонтова: «Его грусть становилась художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: да будет воля Твоя» [15]. Традиционно свидетельством религиозности Лермонтова для Вележева служат стихотворения «Молитва», «Когда волнуется желтеющая нива», «Я, Мать Божия», «Выхожу один я на дорогу».

Кроме художественных произведений, опорой для Вележева служат факты биографии. Так, в статье он приводит эпизод, произошедший со Столыпиным и Лермонтовым по пути из Петербурга на Кавказ, свидетельствующий об отношении поэта к религии (первоначально описанный в статье «Рассказ о дуэли Лермонтова» Н. П. Раевского (в пересказе В. П. Желиховской)). На взгляд Вележева, биография Лермонтова и его художественные произведения свидетельствуют о том, что он «самый христианский из всех наших поэтов, несмотря на весь свой кажущийся демонизм» [3, с. 18].

Как можно увидеть, концепция личности и творчества Лермонтова у Вележева формируется через единство или противоположность с взглядами представителей Серебряного века (Г. Иванова, Вл. Соловьёва, Д. С. Мережковского, В. О. Ключевского).

Среди работ представителей старшего поколения русских эмигрантов о Лермонтове следует особо выделить статьи мыслителя, правоведа и богослова *Кирилла Иосифовича Зайцева* (1887-1975). После эмиграции в 1920 году судьба его оказалась связана с разными центрами русского рассеяния: с Софией, где редактировал газету П. Б. Струве «Русская мысль»; с Прагой, где он читал курс административного права на Русском юридическом факультете; с Парижем, где по приглашению П. Б. Струве редактировал газеты «Возрождение» и «Россия и славянство»; с Харбином и Шанхаем, где он проживал с 1935 по 1949 год и занимался научно-педагогической деятельностью: преподавал на юридическом и богословском факультетах, в Педагогическом институте, участвовал в общественной жизни русских эмигрантов в Китае [43, с. 370]. В харбинский период жизни К. И. Зайцев впервые обращается к рецепции личности и творчества Лермонтова. В статьях «Памяти Лермонтова» (1939), «К столетию смерти Лермонтова» (1941), «О Герое нашего времени» (1941) создает концепцию «трагически раздвоенного» духа. С одной стороны, он наделяет Лермонтова как персонажа мифа демоническими чертами. Определяющим здесь является взгляд поэта, который «давил своей тяжестью», а также «бытовой демонизм» в сфере поведения – «мелкое зло», доставляющее ему «странную радость» [13].

Характеристики, которыми Зайцев наделяет Лермонтова, стали частью мифа о нем еще в XIX веке. Современники поэта обращали внимание на то, что в наружности Лермонтова именно глаза вызывали у людей совершенно неадекватную реакцию: «...решительно все стремятся передать непостижимую силу взгляда» [1, с. 13]. И. И. Панаев, описывая внешность Лермонтова, в своих воспоминаниях отмечал «глубокие, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго» [31, с. 238]. Традиция наделяния Лермонтова демоническими чертами в прижизненной критике была обоснована тем, что для эпохи романтизма, когда в идею демонического стал часто вкладываться положительный смысл, был характерен «бытовой „демонизм“ в сфере поведения и демонизация образов многих писателей-романтиков» [27, с. 215]. Особенность интерпретации Зайцева заключается в том, что демонизм Лермонтова приобретает религиозно-философский смысл: «Да, Лермонтов всю свою короткую жизнь боролся с демоном, боролся реально с реальным демоном» [13, с. 11]. По мнению Зайцева, демон – реальность, с которой «должен посчитаться каждый, кто хочет понять реального, подлинного Лермонтова». Подобная интерпретация образа оказывает влияние на толкование творчества. Так, «Демон» в представлении Зайцева «не только описание соблазна злом, способное быть переданным в терминах религиозного опыта, испытываемого отшельниками», но и «поэтическая попытка решить вопрос о том, доступно ли раскаяние духам зла» [Там же, с. 12]. Зайцев выступает как приверженец философского литературоведения, полагая, что место Лермонтова в духовном мире и сущность его произведений могут быть поняты только в религиозно-нравственном аспекте.

Зайцев соотносит Лермонтова не только с Демоном, но и с Печориным. В статье «О Герое нашего времени», размышляя о некой «двусмысленности» этого произведения, Зайцев приходит к выводу, что ключ ее – в «духовно-автобиографическом характере» романа: «Лермонтов был одержим злом. Красота зла его соблазняла и прельщала, и даже борясь с ней и возвышаясь над нею, он все же не мог освободиться от ее прельстительной силы. И в образе Демона, и в образе Печорина он казнил зло, давая ему обнаружить себя в своей подлинной природе Зла, беспомощного и бессильного перед лицом Света; но он не мог перестать любоваться этими, им же самим разоблачаемыми, образами Зла» [21, с. 7].

В восприятии Зайцева Лермонтов амбивалентен. Наряду с демоническим, ему было доступно и божественное. Религиозное чувство поэта сказалось в уникальной способности – «молиться в стихах». Для Лермонтова молитва «была естественным движением его души, живую ее потребностью», была «укоренена в сердце»: «...ведь Лермонтов не просто поэтически пересказывал молитвы или создавал молитвенно настроенные стихотворения, – он передавал в поэтической форме свой глубокий и детски-простодушный молитвенный опыт, он даже *молился в стихах*: явление, которому нелегко найти подобие в мировой литературе!..» [12, с. 6]. Интересно в связи с последним привести суждение современного исследователя о стихотворении Лермонтова «Молитва» (1839): «...тема этих стихов та же, что у Пушкина, – сила молитвы, но текста молитвы у Лермонтова нет, есть только слова о ее воздействии на душу. И за ними ощущается столь глубокое внутреннее событие, что сами эти стихи по мере развертывания превращаются в очистительную молитву – *стихи о молитве становятся молитвой в стихах*» [48, с. 166] (курсив наш. – З. П.).

Вкладом в лермонтоведение стала опубликованная в Харбине книга *Владимира Владимировича Перемилловского* (1880-?) «Лермонтов» (Харбин – Прага, 1941), в которой он предлагает новый подход к роману «Герой нашего времени» и его главному герою Печорину. Если ранее исследователи, относя Печорина к типу лишнего человека, пытались найти обоснование во внешних причинах (никаевская эпоха, крепостное право, барство), то Перемилловский пытается найти внутренние психологические причины. Проводя сравнительный анализ сочинения Кьеркегора «Или – или» (а точнее, двух глав этого сочинения – «Дневник обольстителя» и «Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал») и романа «Герой нашего времени» (а именно – «Журнала Печорина»), исследователь показывает, что Печорин и Иоганнес восходят к общеевропейскому типу Дон-Жуана, но представляют собой тип «новой формы» [51, с. 125], Дон-Жуана-эстетика.

Подводя итоги, мы приходим к **выводу** о том, что свидетельством значимости Лермонтова и его творчества для русских эмигрантов в Китае стали лермонтовские дни, составившие отдельную страницу культурной и литературной жизни русского Харбина. В русском Харбине о Лермонтове произносили доклады, публиковали статьи представители как старшего поколения эмиграции (А. А. Ачаир, А. П. Вележнев, В. В. Горохов, К. И. Зайцев, П. А. Казаков, С. Курбатов, П. И. Савостьянов), так и младшего поколения (Г. Г. Сатовский-

Ржевский младший, М. Л. Шапиро, Н. Щеголев, А. И. Соколова). В статьях получают освещение отдельные периоды жизни Лермонтова («Студенческие годы Лермонтова», «Любовь в жизни поэта», «Последние годы жизни», «Дуэль и смерть Лермонтова») и отдельные грани его таланта («Лермонтов-поэт», «Лермонтов-художник»). Характерным стал интерес не только к бытовой, но и духовной жизни писателя в контексте поиска разгадки тайны творческой одаренности, природы гения, взаимосвязи писателя с героями его произведений, проблемы воздействия художника на мир.

Публикации о Лермонтове дальневосточных эмигрантов отличает стремление мифологизировать образ поэта и его творчество. Многие статьи и доклады о Лермонтове отличают образные названия, концептуально определяющие ключевые характеристики образа поэта: противоречивость натуры, душевную дисгармонию, мучительную озабоченность главными вопросами бытия.

Значительное влияние на концепции представителей русской эмиграции Китая оказали: автобиографический миф, созданный поэтом о себе в ранней лирике, и религиозно-мистическая интерпретация «мифа» о Лермонтове, созданная в работах Д. С. Мережковского и В. В. Розанова. В центре внимания оказывается не столько творческое наследие, сколько душевная организация самого загадочного из русских поэтов. Русский гений был воспринят в контексте таинственности, авторского предания о его необычном присутствии в мире. И хотя по поводу демонизма Лермонтова, автобиографичности образа Печорина были высказаны противоположные суждения, все указанные авторы едины в мысли о мятежности Лермонтова, его склонности к глубокому религиозному чувству, его жажде Бога. Характерной чертой критики и публицистики восточной ветви русского зарубежья также стало противопоставление Лермонтова Пушкину и утверждение обоих в статусе национального поэта.

Проведенное нами исследование открывает *перспективу для дальнейшего исследования* литературной критики восточной ветви русской эмиграции, посвященной русской классической литературе, а также сопоставительного исследования работ о Лермонтове восточной и западной ветвей эмиграции.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00380, проект «Русская литература в критике и публицистике русской эмиграции Китая».

Список источников

1. Андроников И. Образ Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 12-22.
2. Бельский Гр. Лермонтов как мастер кисти и карандаша. Его творчеству принадлежит до 300 рисунков и картин // Рубеж. 1941. № 36. С. 2-3.
3. Вележев А. Невысказавшийся гений // Луч Азии. 1941. № 83/7. С. 16-19.
4. Гинзбург Л. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 409 с.
5. Горохов В. Последние годы на Кавказе // Луч Азии. 1941. № 83/7. С. 9-11.
6. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3.
7. Грей Д. Удачный лермонтовский вечер // Заря. 1939. 22 октября.
8. «День Молодежи» в ХСМЛ // Заря. 1941. 6 июня.
9. День русской культуры // Заря. 1939. 2 июня.
10. Дякина А. А. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в оценке русской эмиграции // Philologos. 2008. № 1-2 (4). С. 123-137.
11. Завтра – Лермонтовская «среда» // Заря. 1942. 20 января.
12. Зайцев К. И. К столетию смерти М. Ю. Лермонтова // Рубеж. 1941. № 36. С. 2-8.
13. Зайцев К. И. Памяти Лермонтова // День русской культуры: сборник. Харбин: Изд-е Харбин. ком. помощи рус. беженцам, 1939. С. 9-12.
14. Захаров В. А. М. Ю. Лермонтов // Литературная энциклопедия русского зарубежья: в 4-х т. / гл. ред. и сост. А. Н. Николокин. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 4. Русское зарубежье и всемирная литература. Ч. 2. С. 129-148.
15. Ключевский В. О. Грусть [Электронный ресурс]. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/19_kluch.pdf (дата обращения: 12.08.2020).
16. Конкина Л. С. Личность и творчество М. Лермонтова в религиозно-философском осмыслении В. Н. Ильина // Научное мнение. 2013. № 2. С. 21-25.
17. Кривченко Л. А. Из истории жизни эмигранта А. П. Вележева и его семьи (по документам БРЭМа, эмигрантским печатным источникам и письмам родственников) // Гражданская война в Сибири: материалы Всероссийской заочной научно-практ. конф. Омск: Исторический архив Омской области, 2013. С. 65-71.
18. Кротова М. Харбинские «понедельники» // Словесница искусств. 2018. № 1 (41). С. 121-125.
19. Кудряшова А. А. Лермонтовский миф в русской литературе: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 21 с.
20. Курбатов С. Поэт-изгнанник. К 120-летию рождения М. Ю. Лермонтова // Заря. 1934. 4 ноября.
21. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / сост. и предисл. К. И. Зайцева. Харбин: Издательство М. В. Зайцева, 1941. 179 с.
22. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. Т. 1. Стихотворения / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. 776 с.
23. Лермонтовский вечер // Заря. 1939. 16 октября.
24. Лермонтовский концерт ОИРСИ // Заря. 1939. 27 ноября.
25. Летаева Н. В. Русская классика на страницах журнала «Числа» (Париж, 1930-1934) // Литературное зарубежье как культурный феномен: сборник научных трудов / Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения ИНИОН РАН; отв. ред. Т. Г. Петрова; ред.-сост. К. А. Жулькова, Т. Г. Петрова. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 102-118.

26. **Ли Я.** Интерпретация русской литературы в критике Г. В. Адамовича на страницах парижского еженедельника «Звено». Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. 248 с.
27. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкина; Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2003. 1600 с.
28. **М. Т.** Новое о дуэли Лермонтова // Луч Азии. 1941. № 83/7.
29. **М. Ш.** Душа русской поэзии. М. Ю. Лермонтов. 1814-141 // Луч Азии. 1941. № 61/9. С. 20-23.
30. **М. Ю. Лермонтов (1814-1841). К 125-летию со дня рождения** // Русский настольный календарь. Харбин: Главное бюро российских эмигрантов в Маньчжурии; Изд. М. Н. Гордеев, 1939.
31. **М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников** / редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; сост., подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона, О. Миллер; вступ. ст. М. Гиллельсона. М.: Худ. лит., 1989. 690 с.
32. **Мария Ш. М. Ю. Лермонтов. К столетию со дня смерти великого поэта** // Луч Азии. 1941. № 83/7. С. 6-8.
33. **Мережковский Д. С.** Федор Михайлович Достоевский // Руль. 1921. № 300. 11 ноября.
34. **На первой «среде»** // Заря. 1939. 27 октября.
35. **Новикова В. Ю.** Творчество М. Ю. Лермонтова в полемике Г. Адамовича и В. Набокова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сборник научных статей по итогам Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. С. 216-226.
36. **Осоргин М. А.** Записки убийцы Лермонтова. С кого списана лермонтовская Бэла? // Заря. 1936. 11 марта.
37. **П. Т.** «Маскарад». Пьеса в 5-ти действиях М. Ю. Лермонтова // Заря. 1941. 9 марта.
38. **Пасевич З. В.** Пушкинский юбилей 1937 года в русском Китае // Русская литература. 2008. № 2. С. 86-92.
39. **Пахомов Н. П.** Живописное наследие Лермонтова // Литературное наследие. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 45-46. С. 55-222.
40. **Петрова Т. Г.** «Родина последняя, все, чем Россия была и чем она будет»: русская классика в рецепции литературной критики эмиграции // Русское зарубежье: история и современность: сборник статей / Центр сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН; ред.-сост. Т. Г. Петрова, В. Г. Шаронова. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 102-117.
41. **Полуляшина Д. И.** Лермонтовские юбилеи в периодике русского зарубежья // Universum: филология и искусствоведение. 2017. № 6 (40). С. 24-28.
42. **Ребринский А.** Литературный ларец // Рубеж. 1941. № 36. С. 9-10.
43. **Русская эмиграция в Китае. Критика и публицистика. «...сын Музы, Аполлонов избранник»:** статьи, эссе, заметки о личности и творчестве А. С. Пушкина / отв. ред. В. Г. Мехтиев. М.: Худож. лит., 2019. 496 с.
44. **Русское зарубежье свято хранит русскую культуру. На вчерашних торжествах** // Заря. 1939. 22 июня.
45. **Савостьянов П. И.** Московский университет и его студент М. Ю. Лермонтов // Заря. 1939. 25 января.
46. **Савский Г.** Женщины в жизни великого поэта. Кого любил и кого воспевал М. Ю. Лермонтов // Рубеж. 1941. № 36. С. 19-20.
47. **Сегодня Лермонтовский вечер** // Заря. 1941. 28 июня.
48. **Сурат И. З.** Жизнь и лира. О Пушкине: статьи. М.: Книжный сад, 1995. 192 с.
49. **Томилин М.** Картины и рисунки М. Ю. Лермонтова // Луч Азии. 1941. № 83/7. С. 14-15.
50. **Успех лермонтовской выставки ХСМЛ** // Заря. 1939. 19 ноября.
51. **Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: из наследия первой эмиграции** / сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский Мирь, 1999. 288 с.
52. **Хисамутдинов А. А.** Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае, Японии и Корее (первая половина 20-го века). Владивосток: ДВФУ, 2018. 112 с.
53. **Хисамутдинов А. А.** Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 384 с.
54. **Хисамутдинов А. А.** Русские ученые, краеведы и востоковеды в Китае: материалы к иллюстрированным биографиям. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2018. 210 с.
55. **Щеголев Н.** Мысли по поводу Лермонтова // Чураевка. 1933. № 8 (2). С. 4-5.
56. **Яблоновский А.** Убийца Лермонтова // Заря. 1931. 9 сентября.

M. Yu. Lermontov in Criticism and Journalism of the Russian Emigration in China

Pasevich Zariana Vasilevna, PhD
Pacific National University, Khabarovsk
pasevichzara@mail.ru

The article is devoted to a comprehensive study of literary criticism and journalism of the Eastern branch of the first-wave Russian emigration dealing with M. Yu. Lermontov's personality and creative work. The purpose of the study is to identify characteristic features of publications on Lermontov in periodicals of Russian China. Scientific novelty of the work lies in describing the contribution made by the Eastern branch of the Russian emigration in comprehension of Lermontov's personality traits, fate and creative work. As a result of the study, it was found that critical articles written by the Far-Eastern emigrants feature perceptions of Lermontov reflecting creation of an ideologically charged myth about him by means of highlighting his personality traits and issues in his creative works, which meet the Russian emigration's aspirations. The authors identified the following typical features of Lermontov's perception: determining his place in the Russian culture by comparing him with Pushkin; reconstructing Lermontov's spiritual life basing on his poetic works; asserting Lermontov's status as a national poet on the basis of closeness to the Russian soul, religious and patriotic character of his creative works.

Key words and phrases: literary criticism of the Russian diaspora; reception of Lermontov's creative work; Russian China; Eastern branch of the Russian diaspora.